

*Пусть земля не поймет твоей возвышенной жизни,
Гонит тебя, грозит мраком забвенья тебе:
Не уставая, вперед! Не тужи! — есть Вечный свидетель
Чистым, безвестным делам, мыслям и чувствам святым!*
Март 1823

*Ничтожен, тленен человек,
Но мысль живет из века в век..*
1824

*Не посвящаю песни свету,
А сердцу друга, а поэту*
1833

ВИЛЬГЕЛЬМ КЮХЕЛЬБЕКЕР: «МОЙ БРАТ РОДНОЙ ПО МУЗЕ, ПО СУДЬБАМ»

Вынесенные в заголовок слова А.С. Пушкина посвящены его однокурснику по Лицею Вильгельму Кюхельбекеру (1797-1846), – литератору, ставшему декабристом. Действительно, учеба в лицее – не только важнейший этап становления поэта, но и, видимо, самый счастливый. Недаром всю последующую, очень трудную и грустную жизнь Вильгельм черпал в лицейских воспоминаниях радость и силу духа.

Разлука

Длань своенравной Судьбы простерта над всею вселенной!
Ей, непреклонной, ничто слезы печальной любви;
Милого хладной рукой отторгнув от милого друга.
Рок безмятежен, без чувств, неомрачаем вовек
Ропот до слуха его не доходит!- Будем же тверды:
Боги покорны ему, выше Судьбы человек;
Мы никому, друзья, не подвластны душою; в минувшем,
В будущем можем мы жить, в сладостной, светлой мечте.
1817

Вильгельм Карлович Кюхельбекер родился 10 июня 1797 г. в Петербурге в семье саксонского дворянина Карла-Генриха (1748-1809), правоведа и хозяйственника, первого управляющего Павловском, и Юстины Яковлевны фон Ломен (1757-1841). Несмотря на немецкое происхождение, его родным языком был русский. В детстве мальчик жил в подаренном его отцу императором Павлом имении Авинорм (сейчас – поселок Авинурме, уезд Иду-Вирумаа, Эстония), затем учился в пансионе в г. Верро (сейчас – г. Выру, Эстония). После тяжелой болезни он стал глуховат и всю жизнь страдал приступами вспыльчивости. Большую роль в жизни мальчика сыграла его старшая сестра Юлия Глинка, в имении которой Закуп (сейчас – Духовщинский район Смоленской области) он подолгу жил в юности.

К Матюшкину

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:

Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!
Юные ты племена на берегах отдаленной чужбины,
Дикость узришь, простоту, мужество первых времен;
Мир Иапета, дряхлеющий в страшном бессильи, Европу
С новым миром сравнишь,- мрачную тайну Судеб
С трепетом сердца прочтешь в тумане столетий грядущих;
Душу твою изумит суд жизнедавцев богов!
В быстром течении жаждущий взгляд остановишь на льдинах
К небу стремящихся гор, на убегающих в даль
Пышных берегах; ты пояс земли преплывешь, и познаешь
Сон недвижных зыбей, ужас немой тишины;
Рев и боренье стихий, и ведро, и ужасы встретишь,
Но не забудешь друзей! нашей мольбою храним,
Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин! в отчизну
Прежнюю к братьям любовь с прежней душой принесешь!
Первая половина 1817

В 1811 г. по рекомендации дальнего родственника матери – знаменитого генерала М.Б. Барклая-де-Толли Вильгельма приняли в Царскосельский лицей, который он закончил в 1817 г. с серебряной медалью. Третий директор лицея Е.А. Энгельгардт отмечал, что Кюхельбекер «читал все на свете книги обо всех на свете вещах», но ему мешают неровность характера и отсутствие чувства меры. Так, он сначала собирался бежать на фронт Отечественной войны, а через три года уже собирался жениться. При этом в 1815 г. он написал на немецком языке книгу (не сохранившуюся) «О древней российской словесности», прилежно изучает немецкую, французскую, античную и восточную литературы, заполняя выписками огромные тетради. Постепенно сложился круг лицеистов, увлекавшихся русской словесностью и издававших рукописные журналы.

...наш тройственный союз
Союз молодых певцов, и чистый, и священный.
Волшебным навыком, судьбою заключенный,
Был дружбой утвержден !
И будет он для нас до гроба незабвенен !...
1818

И об ушедших товарищах по этому кругу – Дельвиге, Пушкине, Илличевском Кюхля до самого конца вспоминал с нежностью:

...Поминки нашей юности — и я
Их праздновать хочу. Воспоминанья!
В лучах дрожащих тихого мерцанья
Воскресните! Предстаньте мне, друзья!
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, Лицея нашего семья!
Я с вами был когда-то счастлив, молод,—
Вы с сердца светете туман и холод.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны

Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Пушкин, Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты;
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Как пил и ты, уединен, кручину...

1836

Первое опубликованное стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» (1814) посвящено Кюхельтекеру. Несмотря на насмешки, его ученость и душевные качества вызывали у однокурсников уважение и любовь. Первые стихи самого Вильгельма появились в 1815 г в московском журнале «Амфион», и он вступил сразу в два литературных общества — Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (существовало в 1802-1826) и Вольного общества любителей русской словесности (1816-1826).

....

О други! песнь простого чувства
Дойдет до будущих племен —
Весь век наш будет посвящен
Труду и радостям искусства;
И что ж? пусть презрит нас толпа:
Она безумна и слепа!

1820

Другой лицейский кружок, куда входили Вальховский, Пуцин, Дельви́г и Кюхельбекер, увлекался политикой и общественной жизнью. Уже тогда, в Лицее, Вильгельм вступил в преддекабристскую «Священную артель», и затем уже не расставался с идеями о свободе. Его наставником на этом пути выступил офицер Генерального штаба И.Г. Бурцов (1794-1829), которого Кюхля называл на допросах после ареста. Самого Бурцова простили и отпустили после недолгого заключения без лишения чина, в восстании он не участвовал.

Окончив лицей, Вильгельм поступил на службу в Главный архив Коллегии иностранных дел, одновременно преподавая в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте латынь и русскую словесность. Среди его учеников — М.И. Глинка и Лев Пушкин. Он активно печатается в журналах «Благонамеренный», «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения» и др., сотрудничает в благотворительных педагогических обществах. Его стихи вызвали доносы министру внутренних дел, и пришлось уволиться со службы. По рекомендации Дельвига Кюхельбекер устроился секретарем к обер-камергеру А.Л. Нарышкину, собиравшемуся в заграничное путешествие. В 1820-21 гг. они посетили Германию (Берлин, Гамбург, Франкфурт, Веймар, где встречался с Гёте) и Францию (Париж, Марсель, Ницца, тогда принадлежавшая Сардинии). Но Кюхля и здесь остался верен себе. После одной его лекции в Академическом обществе наук и искусств «Атеней» в Париже (лекции организовали знаменитый Бенджамин Констан) русский посланник рекомендовал ему возвратиться в Россию. Детали путешествия известны лишь по напечатанным в разных журналах отрывкам.

Ницца

Был и я в стране чудесной,
Там, куда мечты летят,
Где среди синевы небесной

Ненасытный бродит взгляд,
Где лишь мул наверх утеса
Путь находит меж стремнин,
Где весь в листьях в мраке леса
Рдеет сочный апельсин.

Край, любовь самой природы,
Родина роскошных муз,
Область браней и свободы,
Рабских и сердечных уз!
Был я на холмах священных,
Средь божественных гробов,
В тесных рощах, растворенных
Сладким запахом цветов!

Дивною твоей луною
Был я по морю вedom;
Тьма сверкала подо мною,
Зыбь горела за веслом!
Над истоком Полиона
Я задумчивый стоял;
Мне казалось, там Миньона
Тужит между диких скал!

К песне тихой и печальной
Преклонял я жадный слух:
Из страны, казалось, дальней
Прилетел бесплотный дух!
Он оставил ночь могилы
Раз еще взглянуть на свет;
Только край родной и милый
Даст ему забвенья бед!

На горах среди туманов
Я встречал толпу теней,
Полк бессмертных великанов:
Ратных, бардов и судей —
Вечный Рим, кладбище славы,
Я к тебе летел душой!
Но встает раздор кровавый,
Брань несется в рай земной!

Гром завоет; зарев блески
Ослепят унылый взор;
Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор;
Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысяче штыках сверкнет;
Не родясь, весна увянет,

Вольность, не родясь, умрет!

Васильковою лазурью
Здесь пленяют небеса;
Под рушительною бурью
Здесь не могут пасть леса;
Здесь душа в лугах шелковых,
Жизнь и в камнях и в водах!
Что ж закон судеб суровых
Шлет сюда и месть и страх?

Все жестоким укоризна,
Что здесь сердцу говорит!
Иль не здесь любви отчизна?
Иль не это сад харит?
Здесь я видел обещанье
Светлых, беззаботных дней;
Но и здесь не спит страданье,
Муз пугает звук цепей!

16 марта 1821

Через Варшаву Кюхля вернулся в Петербург и при содействии В.Л. Пушкина через Москву отправился в Тифлис в штаб наместника Кавказа генерала А.П. Ермолова. Зачисление в штат затянулось, деньги кончились, обстоятельства были самые затруднительные. Недостаток средств семья Кюхельбекеров ощущала все время обучения Кюхли в Лицее. Зато в Москве он познакомился с Грибоедовым, и стал одним из первых слушателей «Гора от ума».

Пребывание на Кавказе также не затянулось. За дуэль с младшим сослуживцем его снова уволили. Кюхельбекер вернулся в Европейскую Россию и год жил у сестры в имении Закуп, поддерживая интенсивную переписку с друзьями-литераторами. Вернувшись в Москву, он тесно общается с Грибоедовым, начинает вместе с В.Ф. Одоевским издавать альманах «Мнемозина». Поначалу все идет успешно, но затем появились сложности с изданием и, главное, со средствами.

Участь поэтов

О сонм глупцов бездушных и счастливых!
Вам нестерпим кровавый блеск венца,
Который на чело певца
Кладет рука камен, столь поздно справедливых!
Так радуйся ж, презренная толпа,
Читай былых и наших дней скрижали:
Пророков гонит черная судьба;
Их стерегут свирепые печали;
Они влачат по мукам дни свои,
И в их сердца впиваются змии.
Ах, сколько вижу я неконченных созданий,
Манивших душу прелестью надежд,
Залогов горестных за пламень дарований,
Миров, разрушенных злодействами невежд!

Того в пути безумие схватило¹
(Счастливец! от тебя оно сокрыло
Картину их постыдных дел;
Так! я готов сказать: завиден твой удел!),
Томит другого дикое изгнание;
Мрут с голоду Камоенс² и Костров³;
Шихматова⁴ бесчестит осмеянье,
Клеймит безумный лепет остряков,-
Но будет жить в веках певец Петров!
Потомство вспомнит их бессмертную обиду
И призовет на прах их Немезиду!
1823

В Кронштадте Вильгельм провожает в плавание своего брата Михаила, офицера Гвардейского экипажа, живет в Закупе, снова возвращается в Петербург, где знакомится с К.Ф. Рылеевым. В начале зимы Рылеев принимает Вильгельма в Северное общество декабристов.

Тень Рылеева

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы¹,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы,-
Во тьме на узничьем одре лежал
Певец, поклонник пламенной свободы²;
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастья искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые,
Не позлатить железных вам оков!
Тогда — то не был сон — во мрак темницы
Небесное видение сошло:
Раздался звук торжественной цевницы;
Испуганный певец подъял чело
И зрит: на облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.
«Несу товарищу привет
Из области, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечен свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью!
И ты — я знаю — пламенел
К отчизне чистою любовью.

Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье...
Поверь: не жертвовал ты снам;
Надеждам будет исполненье!»-
Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы.
Воздвиг певец восторженные взоры
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой!
1827, Шлиссельбургская крепость

Во время восстания 14 декабря Кюхельбекер активно действует – ездит по полкам и товарищам, с оружием выходит на площадь, стоит рядом с Гвардейским экипажем, целится (как потом скажет на допросе, по указанию Пущина, что тот отрицает) в великого князя Михаила Павловича (его руку с пистолетом отвел один из солдат), стреляет в генерала Воинова (пистолет, перед тем упавший в снег, дал осечку), призывает рассеянных картечью солдат собраться.

Успешно скрывшись с площади, он бежит, переодевшись простолюдином, через Закуп и Великолукский уезд в Варшаву. Примерно через месяц 19 января 1826 г. осторожность ему изменяет – он спрашивает, где найти своего друга, у унтер-офицера, и тот узнает его по описанию. В кандалах Вильгельма везут в Петербург и на время следствия сажают в Петропавловскую крепость. Проходит очная ставка с лицейским другом Пущиным.

Ночь

Ночь,- приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем,
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я!

1828

Преступление его отнесено к первому разряду – «смертная казнь отсечением головы». Её заменили на 20 лет каторги, через месяц срок снизили до 15 лет. Но император повелел отправить его сначала в Кексгольмскую (сейчас – г. Приозерск), потом в Шлиссельбургскую крепость, откуда его перевели в Динабургскую крепость (Даугавпилс, Латвия), в 1831 г. – в

Ревельский тюремный замок (Таллин, Эстония), затем в Свеаборг (Суоменлинна, Финляндия). В одиночных камерах он просидел до конца 1835 г., т.е. более десяти лет. 14 октября 1827 г. при перевозке в Динабург Кюхельбекер на станции Залазы (Стругокрасненский район Псковской области) встретился с Пушкиным, ехавшим в Петербург из Михайловского. Поговорить им не дал фельдъегерь, но обняться они успели.

19 октября 1828 года

Какой волшебною одеждой
Блистал пред нами мир земной!
С каким огнем, с какой надеждой,
С какою детской слепотой
Мы с жизнью вступали в бой.
Но вскоре изменила сила,
И вскоре наш огонь погас;
Покинула надежда нас,
И жизнь отважных победила!
Моих друзей далекий круг!
Под воплями осенних выюг,
Но благостным хранимый небом,
При песнях, вдохновенных Фебом,
От бурь и горя вдалеке,
В уютном, мирном уголке
Ты празднуешь ли день священный,
День, сердцу братьев незабвенный?
Моих друзей далекий круг!
Вспомнит ли в сей день священный,
В день, сердцу братьев незабвенный,
Меня хотя единый друг?
Или судьба меня лишила
Не только счастья — и любви?
И не взяла меня могила,
И кончились дни мои?

В 1834 г. по специальному разрешению Кюхельбекеру доставляют в камеру произведения Пушкина, а до этого родные, с которыми переписку разрешили в 1828 г., регулярно информируют его о событиях литературной жизни. Сам Вильгельм много пишет — к 1834 г. в тюрьмах он написал 30 тысяч стихов, и на воле идет упорная борьба за возможность их публиковать. Этот неравный поединок ведут его друзья Грибоедов, Дельвиг, Пушкин, потом Жуковский, сестра Юлия и другие родственники. В тюрьме Кюхля переводит «Макбета», «Ричарда II», «Ричарда III», «Генриха IV», постоянно работает.

Родство со стихиями

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,

Когда завывает и ломится лес,-
Я так бы и ринулся в волны небес.

Донельзя постыли мне тина и прах;
Мне там в золотых погулять бы полях:
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы лететь под безмолвной луной!

Все дале и дале, и путь бы простер
Я в бездну, туда — за сафирный шатер!
О, как бы нырял в океане светил!
О, как бы себя по Вселенной разлил!

1834

В декабре 1835 г. его отправляют из крепости на поселение в село Баргузин Забайкальской области, где с 1831 г. живет его брат Михаил (осужденный по V разряду). Сначала он живет в доме у брата, затем на присланные средства строит дом и в январе 1837 г. женится на дочери почтмейстера Дросиде Ивановне Артеновой. Она неграмотна, и поэт учит её грамоте. Теперь приходится заниматься крестьянским трудом, и он называет себя «Пегасом в ярме». Тем не менее, старается писать.

...
О друг! хотя мой волос поседел,
Но сердце бьется молодо и смело.
Во мне душа переживает тело,
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы — наш удел,
Но в эту грудь вонзалось много стрел;
Терпел я много, обливался кровью;
Что, если в осень дней столкнусь с любовью?

1836

Сложные отношения с многочисленной семьей брата приводят его к просьбе перевести в другое место. Осенью 1839 г. семья переселяется в крепость Акшу и Вильгельм становится воспитателем детей пограничного начальника А.И. Разгильдеева.

....
Теперь пора!- Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душевной
Когда-то созидал из снов золотых;
Но без него не труп ли я бездушный

Средь трупов столь же хладных и немых?
1838

Здоровье его слабеет, он пишет прошение о переводе сначала в Кяхту, потом в Курган, куда прибывает только в начале 1845 г. (здесь с 2005 г. работает дом-музей В. Кюхельбекера) По дороге заезжает к Пушкину в Ялуторовск. В Кургане живет целая колония декабристов, дом Нарышкиных (с 1975 г. - музей декабристов) – культурный центр города. Но здоровье быстро слабеет – начинается чахотка, он теряет зрение.

Аргунь

Еще одну я к тем рекам причислил,
Которых берег я, скиталец, посетил,—
И там с утратою своих сердечных сил
Терзался и молчал, но чувствовал, но мыслил,
Разлуку вечную предвидел,— но любил.
Да! вот и эти дни, как призрак, пролетели!
До гроба ли ты будешь молодым,
Мучитель сердце?— Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь к недостижимой цели,
Твоим желаньям несатым и слепым?
Любить и мыслить... Почему ж не может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой дух без устали тревожит —
И хочет, и велит, чтоб вечно тратил я?
Увы! с последним другом расставанье!
По крайней мере, без пятна
Хоть это сбережет воспоминанье
И чувств, и дум моих скупая глубина.
Прими же, о Аргунь¹, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чем пасмурный Онон²:
И там мне было разлученье;
Но перед тем меня прельщал безумный сон³
И чуть не умертвило пробужденье.
1842

В начале 1846 г. ему разрешено следовать в Тобольск на лечение под полицейский надзор, и в марте он приезжает туда со всей семьей. Его творческое завещание составлено в Ялуторовске и написано рукой Пушкина – лицейская дружба не оставляет их. Кюхельбекер умер в Тобольске 11 августа 1846 г. и похоронен на Завальном кладбище.

Усталость

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки.

Да! чаша житейская желчи полна;
Но выпил же эту я чашу до дна,-
И вот опьянелой, больной головою

Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.

Мне нужно забвенье, нужна тишина
2 декабря 1845

При жизни Вильгельм так и не получил разрешения на печатание своих произведений, - император Николай преследовал его до конца. В 1880 г. в Германии издана первая книжечка избранных стихотворений. Дочь Юстина героически бьется за публикацию стихов отца, но их снова, уже много позже смерти Николая I, не пропускает Цензурный комитет. Свысока отзывается о стихах Кюхельбекера Лев Толстой, «моральный авторитет», вполне сомкнувшийся в этом отношении с Николаем I.

...Я слаб, и дряхл, и темен, и ничтожен
Но только *здесь*,— моим злодеям *там*
За их вражду награда — вечный срам.
1842

И лишь при Советской власти, во многом благодаря Юрию Тынянову, мы можем ознакомиться с творчеством этого чрезвычайно сильного духом человека, настоящего страдальца, ученого-подвижника литературы. Его лучшие стихи – неотъемлемая часть отечественной поэзии.

Участь русских поэтов

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию;
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,-
Пожалися годиною роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,

Чей блестящий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.
28 октября 1845

При подготовке текста использованы издания:
Кюхельбекер В.К. Сочинения. Ред. Ю. Тынянова. Т.1. Лирика и поэмы. Л.: Советский писатель, 1939. 482 с. Библиотека поэта. Большая серия.
Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1959. 452 с. Библиотека поэта. Малая серия.

В.К. Кюхельбекер в 1821 г. Рис. П.Л. Яковлева

**Дом-музей В.К. Кюхельбекера в Кургане.
Фото Ф.А. Романенко, 2022**